

О. С. Сапожникова

ЛИЦЕВОЙ ТРАВНИК СЕРГИЯ ШЕЛОНИНА: СПИСОК С ПЕРЕВОДА РУССКОГО ВРАЧА XVI в.

Соловецкий книжник Сергей Шелонин при создании последней версии своего Азбуковника (РНБ, Сол. 18/18), который по объему и широте привлеченного материала возможно назвать первой славянской энциклопедией, пользовался, помимо многочисленных источников, также и сочинением, содержащим сведения о лекарственных свойствах растений.¹ Почерком Сергея к концу каждой из глав были приписаны (или были вклеены при отсутствии места для дополнительного текста) статьи, характерные для древнерусского жанра Травников: «О траве Мандрагоре», «О вишнях», «О траве спикинарии», «О мушкатном орехе» и другие, а также многочисленные статьи, содержащие только названия трав на немецком, латинском, греческом, русском языках: «Неселенъ (нем.), по-руски „кропивное листвие“, по-гречески „игнидалис акалифекс“, а по-латынски „уртека“».² На полях этого Азбуковника читаются глоссы Сергея и его основного сотрудника с отсылками к номерам стихов (статей) Травника. Как известно, в Соловецком монастыре в 1658 г., еще при жизни Сергея, была создана охранная «Роспись книг», зафиксировавшая состав его

¹ Третий Азбуковник Сергея Шелонина — конечный этап работы Сергея в жанре лексикографии — является самым полным представителем древнерусских тезаурусов, содержит 16 110 словарных статей, объединяет в себе материалы по лексикографии, истории, богословию, географии, ботанике, зоологии, астрономии, минералогии, медицине и др. См. о нем: *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989. С. 18; *Левичкин А. Н.* Лексикографические труды Сергея Шелонина // Русский язык конца XVII — начала XVIII в. СПб., 1999. С. 43–53.

² *Сапожникова О. С.* Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 333, 383, 391 (см. публикацию статей Травника из Азбуковника: Там же. С. 409–412).

библиотеки.³ Атрибутируемые Сергию экземпляры, как правило, соответствуют названиям рукописей и изданий в этом списке. Несмотря на то, что Травник не упоминается в «Росписи», вероятность того, что Сергий и на этот раз пользовался каким-то своим списком, была большой.

И, действительно, список Травника был обнаружен в составе Основного собрания БАН, шифр: 17.4.12. Большая его часть переписана Сергием Шелониным. В описи Отдела рукописей БАН рукопись значится как «Лицевой Травник XVII в.». В нем читаются все те тексты, которые вошли в состав Третьего Азбуковника Сергия.

В научной литературе немного упоминаний об этом Травнике. В 1957 г. о нем кратко сообщили историки медицины в «Библиографии по лекарственным растениям»: «БАН 17.4.12. Имеется свыше 300 зарисовок лекарственных трав, сделанных чернилами. В лечебнике много заимствований из вертограда и из рукописи „О перепущении вод“». ⁴ В 1958 г. этому Травнику было посвящено несколько слов в «Историческом очерке» Библиотеки Академии наук: «Из рукописей медицинского содержания отметим — „Травник“ XVII в., снабженный рисунками трав, животных, аптекарских сосудов и т. д.». Здесь же авторы очерка опубликовали фотографию листа из Травника с двумя черно-белыми рисунками. ⁵ Недавно исследовательница «народных» травников А. Б. Ипполитова уделила внимание травникам «ученой» традиции, упомянув среди них и указанный сборник из собрания БАН: «Известны и другие рукописи XVII–XVIII вв., содержащие травники „ученой“ традиции (см., например, БАН. Текущ. пост. № 393 инв. 9407; БАН. 17.4.12, Щук. 286). Но они остаются до сих пор практически не изученными, не всегда установлены оригиналы, с которых сделаны переводы, не описана традиция „ученых“ травников в целом». ⁶ В науке тип медицинского сборника, который был в распоряжении Сергия Шелонина, принято относить к жанру Травников «ученой» традиции, то есть являющихся переводами с западно-европейских медицинских книг, как правило, печатных. Их отличают от «народных», которые запечатлели местную традицию названий растений (и не знакомы с иностранной терминологией), не знают европейских мер, названий врачебного и аптечного инструментария

³ Сапожникова О. С. Русский книжник... С. 81–101.

⁴ Уткин Л. А., Галлерман А. Ф., Невский В. А. Библиография по лекарственным растениям. М.; Л., 1957. С. 34.

⁵ Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. М.; Л., 1958. С. 84, 87.

⁶ Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII веков: Исследование фольклора и этноботаники. М., 2008. С. 9.

и содержат легендарные сведения о сверхъестественных свойствах и магических функциях растений.⁷

Атрибутирование одного из почерков в Травнике Сергию Шелонину сразу ввело эту рукопись в сферу научной, энциклопедической деятельности книжника, который всегда работал с авторитетными списками, принадлежавшими либо известным церковным деятелям, либо содержащими лучшие русские переводы или редакции текстов.

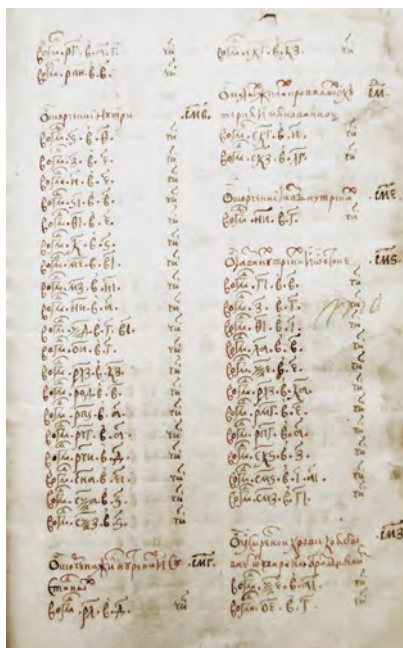
Рукопись из собрания БАН на 355 л., в лист (28×19 см), написана пятью почерками, чернилами и киноварью, содержит 288 рисунков растений, животных, людей, выполненных кистью и пером с применением чернил разной густоты. Обозначить всю рукопись единым названием Травник, согласно современной научной классификации, невозможно, хотя Сергей определял эту рукопись именно так в ссылках на полях Азбуковника. Сборник делится на две большие части: Травник (л. 56–280) и Лечебник (л. 281–355), которые предваряются пятью предметно-тематическими указателями к разным разделам сборника (см. рис. 1), а также четырьмя оглавлениями к ним (л. 3–55 об.). Различие между Травниками и Лечебниками заключается в принципах подачи материала. На это различие указал еще в XIX в. Я. Чистович: «Лечебники организованы по принципу указания болезней, причем от каждой из них рекомендуется определенное средство. Травники, напротив, представляют собой перечень лекарственных средств, при которых указывается, от какой болезни их следует применять».⁸ Как правило, в Травниках этими лекарственными средствами являются травы, отсюда — и название, хотя в переводных сочинениях говорится и о многих других органических веществах. В древнерусской рукописной традиции оба жанра часто смешивались, но в рукописи Сергия выдержано достаточно четкое деление на две части, на что указывали и читатели этого медицинского сборника. На обороте л. 280, отделяющем первую часть от второй, в записи 1755 г. говорится: «Сей Травникъ, при немъ следующей Лѣчебникъ...» и т. д.

Изучение текстов первой части медицинского сборника, то есть собственно Травника, позволило сделать вывод о том, что это не столько книга с «выписками из рукописи „О перепущении вод“»,⁹ сколько единое сочинение об изготовлении лекарственных средств из разного

⁷ См. подробно о разновидностях Травников и Лечебников народной и «ученой» традиции в исследованиях XIX–XX вв.: *Ипполитова А. Б.* Русские рукописные травники. С. 23–49.

⁸ *Чистович Я.* Старинные русские лечебники и травники // Друг здравия. 1852. № 16. С. 71.

⁹ *Уткин Л. А., Гаммерман А. Ф., Невский В. А.* Библиография... С. 35.

Ил. 1. Предметно-тематический указатель.
Почерк Сергия Шелонина.
Первый Травник Сергия. БАН. 17.4.12. Л. 27

вида органического сырья методами перегонки или дистилляции. В статьях Травника говорится именно об изготовлении эссенций или растворов, а в заголовках обязательно присутствует название полученной «воды» («ватерь»). Это наблюдение упростило поиски оригинала для перевода, поскольку еще в 1896 г. исследователь медицинских рукописей Л. Ф. Змеев назвал популярное в XVI в. в Европе сочинение о дистилляции, русский перевод которого ему был известен в отечественных рукописях XVII–XVIII вв.: «Подлинником, с которого переведены наши рукописи, служила «Destillirt Buch» Иеронима Брауншвейгского, близкого ученика, если даже не профессора Салернской школы (а другое, снятое с 1-го Destillirt-Buch Marcelli Ficini), подлинник издан в пятьсот тридцатых годах с рисунками... Нужно думать, что книга эта также еще в XVI в. переведена у нас; но подлинник затерян, списков же было мало...».¹⁰ Лицевой Травник

¹⁰ Змеев Л. Ф. Русские учебники: Исследование в области древней врачебной письменности». СПб., 1895. С. 108. По необъяснимой причине историки медицины не внесли Лицевой Травник из собрания БАН в раздел «О перепущении вод», а поместили в раздел «Лечебники с указанием лекарств простого домашнего изготовления» (Уткин Л. А., Гаммерман А. Ф., Невский В. А. Библиография... С. 31–36).

из собрания БАН не был известен Л. Ф. Змееву, но сейчас можно с уверенностью говорить, что он содержит те же статьи, что и рукописи, на которые указал ученый: РНБ, Q.VI.29 (рубеж XVI–XVII вв.), Q.VI.7 (вторая половина XVII в.), Q.VI.13 (середина XVIII в.), Вяз. F.105 (XVIII в.¹¹); Q.VI.3 (вторая половина XVIII в.).

Страсбургский практикующий врач Иероним Бруншви́г (Hieronymus Brunschwig, 1450 — ок. 1512) был хорошо известен в мире медицины уже в конце XV в. своей книгой «О хирургии» (1497 г.), в которой подробно описал способы лечения огнестрельных ранений и травм головы вплоть до трепанации. В 1500 г. он опубликовал еще одно сочинение — «Книгу об искусстве дистилляции» (*Liber de arte distillandi de simplicibus*).¹² В дальнейшем эта книга неоднократно переиздавалась в Страсбурге (1505, 1508, 1515, 1521, 1528, 1531, 1537) и во Франкфурте-на-Майне (1551, 1554, 1555, 1560, 1610, 1614), а также переводилась на другие языки: голландский (изд. в Брюсселе в 1517), английский (изд. в Лондоне в 1527), чешский (изд. в Ольмюце в 1559). В 1512 г. вышла его же «Большая книга об искусстве дистилляции» (*Liber de arte distillandi de compositis*), которая также переиздавалась (Страсбург 1519, 1532; Франкфурт-на-Майне 1538, 1551, 1552, 1597), в том числе и на других языках.

Книга 1500 г. стала первой в истории книгопечатания, посвященной перегонке травяных настоев и дистилляции спирта. Она стала и новым словом в медицине. Практикующий врач-хирург Иероним Бруншви́г обобщил и систематизировал опыт алхимиков в сфере дистилляции, а приемы кустарных лабораторий поднял на уровень технически выверенного, достаточно точного и поставленного на поток ремесла изготовления дистиллятов, применяемых в качестве лекарственных средств.¹³ Деятельность страсбургского врача и его методические наработки в области перегонки сырья растительного и животного происхождения явились переходным звеном между накопленными Средневековьем знаниями и наукой Нового времени.

Первую часть своего трактата Иероним Бруншви́г посвятил инструментам и методам дистилляции, описал процесс перегонки и снабдил теоретический материал рисунками горелок, осушителей, реторт, перегонных кубов и многих других инструментов и приспособлений для экстрагирования и ректификации соков растений и тех жидко-

¹¹ В настоящее время местонахождение рукописи неизвестно.

¹² *Liber de arte distillandi de simplicibus*. Das Buch der rechten Kunst zu distilieren die einzige[n] ding von Hieronymo Brunschwigk. Strassburg: J. Grüninger, 1500.

¹³ *Taape T.* Distilling reliable remedies: Hieronymus Brunschwig's *Liber de arte distillandi* (1500) between alchemical learning and craft practice // *Ambix*. Vol. 61. № 3. August. 2014. S. 236–256.

стей, которые могут быть получены из животных. В ряде изданий «Книги о дистилляции» здесь же помещались статьи о способах хранения продуктов дистилляции в летнее и зимнее время, о сроках хранения, о перегонке сухих трав и использовании оставшихся в перегонном кубе веществ. Во второй, главной практической части содержится перечень веществ растительного и животного происхождения в алфавитном порядке. В каждой статье приводится название растения (фитоним) или животного на нескольких языках, затем дается ботаническое описание травы или места обитания животного на основе собственных наблюдений страасбургского врача, а также предшествующей рукописной и печатной традиции Травников, Садов здоровья, Физиологов, Бестиариев. Далее следуют характеристики дистиллированных лекарств: способ их изготовления методом «перепущения» и перечисление заболеваний, при которых они используются, режим приема. Лекарственные свойства трав автор дает на основании авторитетных для европейского Средневековья античных, европейских, восточных медицинских трудов. В третьей части «Малой книги дистилляции» Иеронима Бруншвига, начиная с издания 1505 г., публиковался перевод трактата венецианского философа и астролога Марсилио Фичино (1433–1499) «Книга о жизни» (*Das Buch des Lebens Marsilij Ficini*). В четвертой и пятой частях своего медицинского компендиума Иероним Бруншви́г помещает множество рецептов сложного (для «вельможных» людей) и простого («для бедных людей») приготовления, а также сочинения на темы гигиены, санитарии, диетологии, приписываемые «Ипократу», «Галину», «Диоскороду», «Авиценне», «Арнольдусу», «Пандекту» и другим, в том числе главы о «золотом напитке» или «эликсире жизни» (*augum potabile*), алкоголе (*aquae vitae*), чудодейственной «пятой сущности» или «пятой перегонке» (*quinta essentia*). Книга содержит несколько алфавитных и предметных указателей ко всем статьям и болезням, в ней упоминаемым, с отсылкой на главы и листы издания. При этом от издания к изданию количество статей в каждой части (кроме второй — о дистилляции сырья растительного и животного происхождения) варьируется, они редактируются (включая вторую часть), дополняются или сокращаются, меняется их последовательность и заголовки, меняется и количество иллюстраций к ним.

Особенностям русского перевода и личности переводчика «Книги о дистилляции» на основании текста самого раннего списка рубежа XVI–XVII вв. РНБ, Q.VI.29 посвятил исследование Н. А. Богоявленский.¹⁴ В книге «Древнерусское врачевание» одна из глав посвящена

¹⁴ Известный медик, в годы Отечественной войны эпидемиолог Волжской и Каспийской флотилий, участник боевых действий под Сталинградом, а затем заведующий

«Сказанию о пропущении вод». Профессиональный медик, знаток семи языков, сличая текст старейшего из известных русских списков перевода Q.VI.29 с западноевропейским изданием «Книги о дистилляции», в самых восторженных выражениях охарактеризовал осведомленность переводчика в области врачевания и общую его образованность. По мнению историка медицины, этот книжник был знатоком русских реалий и уклада всех классов современной ему России: от посадников, думцев, служилых людей до крестьян, монахов, повивальных бабок и т. д. «В личности переводчика рукописи „Сказания о пропущении вод“ виден человек бывалый, по тому времени широко просвещенный, имевший за плечами большой жизненный опыт, человек, наделенный глубоким знанием русского народного быта и прирожденной наблюдательностью».¹⁵ Безоговорочно Богоявленский видит в переводчике русского человека, свободно владеющего и латынью, и народной медицинской терминологией: «Что касается передачи на русский язык медицинских терминов, названий болезней, лекарственных трав, лечебных приемов, то и здесь переводчик всегда прибегает к наиболее ярким народным обозначениям, понятным любому русскому читателю, что свидетельствует о самом живом и длительном общении переводчика со своей родной ему русской народной средой: „хруны“ (ишиас), „короста“ и „облива“ (кожные болезни), „прилеп“ (пластырь), „прострел“ или „пострел“ (люмбаго), „усови“ и „подусови“ (плеврит), „свербежь“ (чесотка), „чирии“, „камчюг“ (артрит), „оток“ (водянка), „угри“, „восцы“ (прыщи), „корчение“ и „корча“ (судороги), „окорм“ (отрава), „волосатик“ (ранева фистула), „осокмина желудочная“ (язва, рак, катар желудка), „трясца“ и „трясбвица“ (малярия) и пр.»;¹⁶ «У переводчика чувствуется хорошее знание латинского языка. Фраза „in ventri equinu“ вполне осмысленно переведена на русский язык фразой „в конском

кафедрой истории медицины Военно-Морской медицинской Академии в Ленинграде. В 1950–1951 гг. Николай Алексеевич (1896–1973) работал сотрудником Отдела редких книг Публичной библиотеки (*Щербак Н. Л.* Богоявленский Николай Алексеевич // *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь.* Т. 4. СПб., 2013. С. 115–116). Итогами его знакомства с древнерусскими оригинальными, переводными, лицевыми сочинениями в рукописях XII–XVII вв. стали работы: *Богоявленский Н. А.* 1) Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960; 2) Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и ее значение для истории отечественной медицины // *Советское здравоохранение.* 1964. № 4; 3) Отечественная анатомия и физиология в далеком прошлом. М., 1970; и др.

¹⁵ *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 82.

навозе“, а не в „конском животе“ или „желудке“, как следовало бы перевести буквально». ¹⁷ Все выводы Н. А. Богоявленского заслуживают самого пристального внимания, особенно ценными являются наблюдения профессионального врача относительно образованности переводчика и владения им медицинской (народной и современной ему научной европейской) терминологией.

Уже сейчас можно добавить, что переводчик оставил и небольшие лингвистические комментарии, объясняющие его принципы переложения текста с одного языка на другой. Переводя названия глав, расположенных по алфавиту, в которых указывались соответствующие буквы, переводчик не просто помещал их графическое изображение, но приводил их названия:

Заголовок к главе 3-й на букву «С» немецкого алфавита: «Бесѣда трет[ъ]яя о водах, кои главы азбучнымъ словом начинаются по-латынски и по-немецки „Се“, а по-русски слово ставится за „Како“»;

Заголовок к главе 21-й на букву «Х» немецкого алфавита: «Бесѣда 21-я о водах, кои главы азбучным словомъ начинаютца по-русски Ѣ, а по-немецки и по-латынски „Ексъ“».

В сложных случаях переводчик пускался в более пространные лингвистические объяснения, обосновывая выбранное им на основе звучания (фонетики) подобие букв двух разных алфавитов, см. комментарии:

К главе на букву «Q» немецкого алфавита: «Бесѣда 16 о водах, кои главы азбучнымъ словомъ починаютца по-русски „К“, а по-немецки „Ку“, а то слово рускаго писания не держитъ азбучного, а в латынской азбукѣ то слово за „Како“»;

К главе на букву «H» немецкого алфавита: «Бесѣда 8 о водах, кои главы азбучным словом начинаются по-русски „Глаголемъ“, а по-латынской азбукѣ „Га“. В русской же азбукѣ то слово имянуется, якоже в немецкой и в латынской азбукѣ. Не пишется глагол для скудости словес. За латынскую „Га“ пишемъ по-русски „Глагол“ своим языком. Га».

По-видимому, следует считать за доказательство русского происхождения переводчика выражение «напишемъ по-русски „Глагол“ своим языком». Если автор перевода узнавал растение и животное в Книге Бруншвига и ему были известны их русские названия, то они указывались в тексте статьи, а также во многих случаях дублировались в подписях к картинкам (или объекты, для получения представления о них, подробно описывались):

¹⁷ Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. С. 78.

Глава 22: «„Бикрен лаф ватер“, по-русски „вода из березового листия“» (подпись к рисунку: «Березка младая, древо на Руси растет»);

Глава 31: «...по-латынски „унгула кабалика“, ... а по-русски „конецъ копыто“»;

Глава 74: «Ердъберенъ крут ватеръ..., по-латынски герба треги, сии рѣчь вода из листвия земляничныя травы»; здесь же подпись к рисунку: «по-русски земленица трава»;

Глава 126: «...по-гречески ту траву называют „азарумъ“ ..., по-русски „подлешникъ“»;

Глава 162: «Милуненъ ватер, сии рѣчь вода из дыней»;

Глава 230: «„Розенъ ватеръ“ сирѣчь вода „свороборинная“»;

Глава 68: «Дахсенъ блут ватер, по-латынский „исангвис дроконис“, сирѣчь вода ис крови того звѣря. ... Той же звѣрь четвероноженъ есть, равенством подобенъ лисице или хомяку».

Если же автор не знал, о каком растении идет речь, то указывал: «по-русски не знаемо». Вся книга врача из Страсбурга была адаптирована и прокомментирована для читателя Московской Руси. Представляется важным, что Н. А. Богоявленский разделил точку зрения Л. Ф. Змеева на списки перевода «Книги о дистилляции» («...несмотря на их научность, в этих рукописях много русского творчества»¹⁸): «Но самым замечательным в рукописи „Сказание о пропущении вод“ остается ее исключительная приспособленность к местным русским условиям».¹⁹

Изучая текст перевода «Книги о дистилляции» Иеронима Бруншвига исключительно по рукописям Публичной библиотеки, Н. А. Богоявленский ни разу не упомянул в тексте монографии о самом выдающемся, как теперь видно, его списке, являющемся по количеству рисунков одним из самых полных Травников XVII в., — БАН. 17.4.12. Однако в качестве иллюстраций для своего труда ученый использовал три рисунка именно из этого Лицевого Травника: «Сцена лечения больного „чепучинным сидением“», «Изображение муравьев», «Дештилятор за работой»,²⁰ но при этом шифр рукописи безотносительно к иллюстрациям (!) и краткую, красочную характеристику рукописи дал только в библиографическом указателе: «Рукописный лечебник, по списку XVII века, типа „вертограда“ со значительным числом рисунков лекарственных растений, аптечной посуды, лабораторий для дистилляции, птиц, животных, насекомых, представляющих фармацевтическое сырье. Есть картины народного быта, сцены оказания медицинской помощи больным. Имеется крайне ред-

¹⁸ Змеев Л. Ф. Русские врачевники. С. 264.

¹⁹ Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. С. 75.

²⁰ Там же. С. 41, 55, 81.

кое изображение лечения больных „чепучинным сидением“.²¹ Рисунки более позднего происхождения, чем текст рукописи. Тем не менее, в целом рукопись имеет выдающееся источниковедческое значение для истории отечественной медицины уже в силу крайней редкости рукописных лечебников, снабженных разнообразными рисунками. Шифр: 17.4.12».²² Вероятно, отсутствие шифра и специального описания рукописи в тексте монографии не позволило «выйти» в дальнейшем на эту рукопись специалистам по книжным миниатюрам или переводным медицинским памятникам, но три указанных иллюстрации после публикации Н. А. Богоявленским стали жить самостоятельной жизнью и кочевать по научным и научно-популярным работам по истории русской медицины.

Итак, можно с уверенностью говорить о том, что лицевой Травник Сергия Шелонина является списком с иллюстрированного перевода «Книги о дистилляции» Иеронима Бруншвига. Время создания списка Q.VI.29 позволяет датировать этот перевод не позднее рубежа XVI–XVII вв. Травник Сергия является вторым по времени создания из трех списков XVII века (учитывая Q.VI.29), но единственным известным в формате in folio и содержащим такое значительное количество рисунков. Очевидно, что рукописи в лист наиболее удобны для сочинения, сопровождаемого многочисленными иллюстрациями; именно в таком формате выполнен оригинал самого раннего русского перевода с медицинского трактата 1492 г. (Johannes von Cube. *Hortus Sanitatis*. Lubeck: Steffen Arndes; 1492) — так называемый Травник Николая Любчанина 1534 г.²³

²¹ Неверно датировав рукопись второй половиной XVII в., Н. А. Богоявленский, а за ним и другие историки медицины, приписал авторство «Указа о чепучинном сидении» московскому лекарю, бывшему стрельцу Митрофану Петрову (вторая половина XVII в.) (*Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. С. 101*), что невозможно, поскольку Травник БАН. 17.4.12. датируется 20-ми годами XVII в. (см. об этом ниже).

²² *Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. С. 307.*

²³ Центральная научная библиотека Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, № 159/С, 579 л., in folio (24,7×18 см), 542 рис. См. последние работы об этом списке: *Морозов Б. Н.* 1) Виноград здравия: Травник из библиотеки Ивана Грозного // *Родина*. 2004. № 4. С. 11–22; 2) Травник из постельной казны Ивана Грозного? Харьковская рукопись 1534 г. — новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения) // *АЕ* за 2003 г. М., 2004. С. 73–85; *Исаченко Т. А.* 1) Травник Николая Любчанина и его судьба на русской почве // *ДРВМ*. 2007. № 3 (29). С. 41–43; 2) Является ли харьковский список травника 1534 г. автографом перевода Николая Бюлова? // *ДРВМ*. 2009. № 2. С. 97–109. В научной литературе нет единства относительно авторства перевода 1534 г. (*Синицына Н. В.* Булев [нем. Bulew] // *Православная энциклопедия*. Т. 6. М., 2003. С. 362), ряд исследователей отождествляют переводчика «Сада Здравья» с придворным

Все остальные сохранившиеся списки «Книги о дистилляции» имеют формат in quarto, и только один из них Q.VI.7 содержит рисунки (всего 12).²⁴ Очевидно, что Лицевой Травник не может восходить к ним. Поскольку и рисунки в Травнике Сергия подобны в большинстве своем гравюрам изданий Иеронима Бруншвига, то не может быть сомнений в том, что перед нами список, воспроизводящий лицевой оригинал перевода XVI в.

Список Травника Сергия, как и другие списки этого перевода, содержит достаточно редкие для древнерусской традиции текстологические особенности, на которые обратил внимание еще Богоявленский, а именно — ремарки от первого лица, типа: «Писати воли не имею», «Произвольно написати не дерзну сие, понеже неизвестно мне то есть», «Здѣсь бесѣда переступлена от недоумѣния».²⁵ При сопоставлении таких записей с изданиями Книги Бруншвига становится очевидным, что переводчик не по «недоумѣнию» (то есть непонятливости) отказывался от переложения на русский ряда статей, глав, разделов, а по вполне конкретным причинам. «Как явствуется из контекста, данное выражение отнюдь не означает неспособности понять какие-либо фармацевтические правила лечебных манипуляций, упоминающихся в подлиннике. Так, в перевод не вошел „по недоумению“ способ дистилляции человеческой крови, человеческого кала».²⁶ Использование человеческой крови в качестве лекарства от туберкулеза и с целью омоложения было нормой для Западной Европы вплоть до Нового времени; в странах региона Slavia Orthodoxa подобные прецеденты неизвестны.

Как показало сличение между собой известных списков этого перевода, все они, помимо ремарок, которые теоретически могли быть сделаны переводчиком, содержат еще один пласт комментариев, которые, возможно, могли быть выполнены переписчиком общего про-

врачом и астрологом царя Василия III Николаем Булевым, известным также по критическим Посланиям в его адрес Максима Грека: *Зимин А. А.* Доктор Николай Булев — публицист и ученый медик // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 78–86; *Буланин Д. М.* 1) Булев (Бюлов) Николай // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 101–103; 2) Булев (Бюлов) Николай // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 3. СПб., 2012. С. 36–37.

²⁴ Этот список также имеет прямое отношение к Сергию Шелонину (см. об этом ниже). 96 рисунков содержала ныне утраченная рукопись XVIII в., на которую указал Л. Ф. Змеев, — собр. Вяземского, F.105. См. о ней: Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. СПб., 1902. С. 109–110; *Уткин Л. А., Гаммерман А. Ф., Невский В. А.* Библиография... С. 26.

²⁵ Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. С. 75, 80.

²⁶ Там же. С. 75.

тографа: «Достоль тое бесѣды выдрана», «Досталь тое бесѣды драно», «Здѣся три статьи выдраны, остаточная же о колотыи в левом боку»²⁷ и другие. Получается, что списки русского перевода в одинаковых выражениях отразили плачевное состояние их общего протографа, и выявить поздние утраты станет возможно, если определить, каким именно изданием пользовался русский переводчик, что на данный момент представляет проблему.

Во всех европейских изданиях «Книги о дистилляции» выдержан, как уже говорилось, алфавитный принцип расположения материала: названия растений, веществ и животных распределены на 23 главы в порядке немецкого алфавита (при этом две буквы (I, J) объединены в одну главу № 9, буквы U, V опущены). В русском переводе статьи расположены в том же порядке (при переводе алфавитный принцип уже не мог быть сохранен) и также объединены в главы («Capitel» было передано как «Бесѣды»), но при этом они были пронумерованы сквозной нумерацией, что, несомненно, облегчало работу лекарей с этим медицинским справочником и делало очень эффективными указатели с отсылками на эти порядковые номера; по-видимому, нумерация является творчеством русского переводчика. Из 23-х глав все известные рукописи русского перевода сохранили только 21 «Бесѣду» и 286 статей вместо 356.²⁸

В списке Сергия БАН 17.4.12 сохранилось и такое указание для писцов: «Сия статья в главникѣ, писати до креста». (л. 290 об.). Принадлежат ли указанные ремарки и комментарии двум разным людям — переводчику и переписчику протографа всех списков — или же только переписчику, возможно будет определить опять-таки только после сверки текста Травника с разными изданиями Книги Иеронима Бруншвига, поскольку, как уже говорилось выше, они различаются числом статей и деталями в их текстах, иллюстрациями, количеством языков, на которых приведены фитонимы. Но уже сейчас на основе состава текстов второй части медицинского сборника (Лечебника) можно сказать, что при переводе преднамеренно были опущены главы и статьи, не соответствующие представлениям православного человека: это статьи о влиянии планет на лечение и процесс выздоровления больных, о пользе веселой музыки и легкого чтения при приступах меланхолии, главы с намеками о пользе увеселений в духе Боккаччо и т. д.

²⁷ Об этих записях в списке Q.VI.29 сообщил еще Л. Ф. Змеев (*Змеев Л. Ф. Русские врачебники*. С. 107–108).

²⁸ Во всех известных списках отсутствуют статьи с 210-й по 219-ю, хотя последний порядковый номер в них (кроме Q.VI.7) — 296-й.

Ил. 2. Глава 14. «Атселен ватеръ».

Подпись XVIII в. к рисунку:

«Молодые касаточки».

Первый Травник Сергия.

БАН. 17.4.12. Л. 66 об.

Ил. 3. Глава 22. «Биклен лаф ватер, по-русски трава из березоваго листьа».

Подпись XVII в. к рисунку:

«Березка молодая, древо на Руси
ростет». Первый Травник Сергия.

БАН. 17.4.12. Л. 73

Сопоставление рисунков Лицевого Травника с гравюрами изданий «Книги о дистилляции» позволяет утверждать, что они в большинстве своем, безусловно, восходят к печатным изображениям, однако есть и очень интересное между ними различие. Среди изданий сочинения Иеронима Бруншвига нет ни одного, в котором были бы проиллюстрированы абсолютно все статьи. В Лицевом же Травнике Сергия из 286 статей не проиллюстрировано всего три. Таким образом, выявляя те иллюстрации, которые не имеют аналогов ни в одном из изданий «Книги о дистилляции», мы можем определить оригинальные рисунки русского художника. Такими не зависимыми от гравюр немецкого трактата являются, на наш взгляд, иллюстрации к статьям: «Атселен ватеръ» (гл. 14, изображены ласточки в гнезде, см. ил. 2), «Биклен лаф ватер, по-русски трава из березоваго листьа» (гл. 22, изображена береза, см. ил. 3), «Капс круть ватеръ» (гл. 63, изображено два вида капусты, в отличие от одного в известных изда-

Ил. 4. Глава 63. «Капс круть ватерь». Подпись XVII в. к рисунку: «Капуста простая», «Капуста вилая».

Первый Травник Сергия.

БАН. 17.4.12. Л. 107

Ил. 5. Глава 127. «Генермахену ватерь, сие речь вода ис плевы нутрение, кою с пупка курячьего сметываемъ».

Подпись XVIII в. к рисунку: «О курином пупке». Первый Травник Сергия.

БАН. 17.4.12. Л. 156

ниях, см. ил. 4), «Генермахену ватерь» (гл. 127, изображен человек, потрошащий куру, см. ил. 5) и др. В тех случаях, когда статья в издании не сопровождалась гравюрой, художник, вероятно, ориентировался на известный ему русский образец. Нарисованные им элементы архитектуры, одежда, головные уборы и даже животные близки русской иконографической традиции и книжным миниатюрам. Например, изображение ослика (гл. 83) не похоже на рисунки немецких медицинских изданий, а больше напоминает осликов с икон и фресок «Вход Господень в Иерусалим»; архитектурные элементы здания, под крышей которого поселились ласточки, поярковая шапка на голове лежащего больного (неверно понятые художником компресс или повязка на лбу больного), изображения человеческих фигур со всей очевидностью ближе к миниатюрам, например, лицевых Житий XVI–XVII вв. и Лицевого Летописного свода,²⁹ нежели к миниатюрам западноевропейских естественнонаучных изданий XVI в., см.: пасечник достает мед из ульев (глава 121, ил. 6), человек, собирающий «простыней» утреннюю росу (гл. 168, ил. 7). Отсутствие каких-либо изданий русских переводных лицевых Травников не позволяет представить, как соотносятся их иллюстрации между собой, существовала ли какая-либо устойчивая традиция в среде отечественных художников для изображений определенных лекарственных растений. Публикация даже отдельных рисунков из них наводит на

²⁹ Благодарю за консультации по особенностям изображений человеческих фигур в лицевых рукописях Веру Григорьевну Подковырову и Игоря Борисовича Вишню.

Ил. 6. Глава 121. «Гуник ватер, сии речь вода из меду пресного».

Подпись XVIII в. к рисунку:

«О меду пресномъ».

Первый Травник Сергия.

БАН. 17.4.12. Л. 152

Ил. 7. Глава 168. «Мейдаву ватер, сиречь вода перепущена из росы утряные». Подпись XVIII в. к рисунку:

«Вода из росъ собранная».

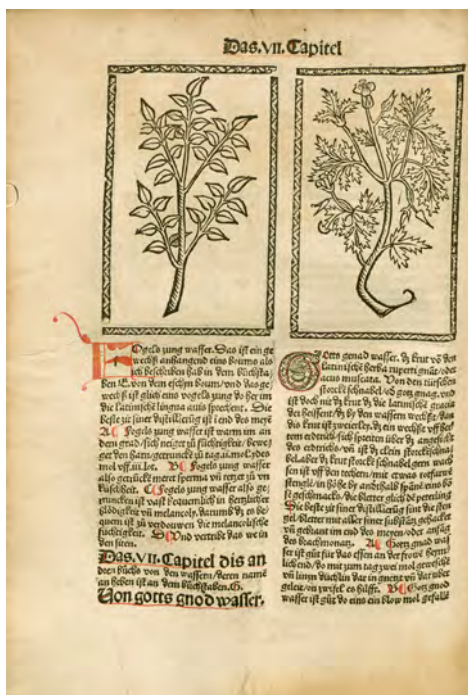
Первый Травник Сергия.

БАН. 17.4.12. Л. 191

мысль о том, что переводные Травники взаимосвязаны своими иллюстрациями, поскольку гравюры европейских медицинских трактатов кочевали из издания одного автора в издание другого, а также не исключено, что русские художники копировали некоторые изображения друг у друга и из немногочисленных доступных им общих протографов или даже с прорисей. Так, изображение растения «Мандрагора» в списке Любчанина 1534 г.³⁰ и в Лицевом Травнике Сергия (глава 11) практически идентичны; изображения людей, достаточно изящные, в том числе и в одинаковых головных уборах (боярках), подобны в Вильнюсском списке XVII в. Травника Любчанина 1534 г.³¹ и в том же Лицевом Травнике Сергия (раздел «Лечебник», л. 331 об.).

³⁰ См.: Морозов Б. Н. Судьба Травника Любчанина из библиотеки Ивана Грозного // Про книги. Журнал библиофила. 2007. № 1. С. 15, 17.

³¹ Опубликовано два рисунка с изображением мужских фигур: Исаченко Т. А. Переводная московская книжность XV–XVII вв. М., 2009. С. 164.

Ил. 8. Иероним Бруншви́г. «Книга о дистилляции». Страсбург, 1500. Л. 50 об. второго счета

Что касается манеры изображения растений в Травнике, то здесь художник подошел к своей задаче более чем творчески, не сводя ее к копированию образца и не стремясь к реалистичности. Большинство созданных им изображений в той или иной мере узнаваемы при сравнении с гравюрами немецких изданий, автор которых максимально пытался приблизиться к натуре, но все же мало похожи на «прототипы» из реального мира (см. ил. 8, 8а и 8б, ил. 9, 9а). Создается впечатление, что русский рисовальщик не был озабочен сходством с изображаемыми явлениями из мира флоры, а подражал известным ему орнаментальным книжным формам. Отдельные элементы перовых рисунков этого мастера — листья крина, пышные цветы, виноградные гроздья, плоды, ягоды, шишки, переплетение веток и листьев (см. ил. 10, 11, 12) — все то, что отсутствует в немецких иллюстрациях (ил. 13, 14), хорошо известно, например, в черно-белых заставках и инициалах изданий Московского Печатного двора.³²

³² Данные наблюдения стали возможны благодаря знакомству с представленными Ф. В. Панченко материалами по сравнению элементов орнамента в печатных и рукописных древнерусских книгах в докладе «Сюита на тему Макенема» на конференции: Современные проблемы археографии: Научная конференция к 300-летию Библиотеки Российской Академии наук 21–24 октября 2014 г. Санкт-Петербург.

Ил. 8а. Глава 99. «Готес гдна ватер».
Первый Травник Сергия. БАН. 17.4.12. Л. 137

Вполне вероятно, что художник был мастером «фряжского» (или старопечатного) стиля, распространенного в книжной культуре Руси уже в первой половине XVI в. и используемого в печатных изданиях, начиная с самой первой русской печатной книги — Апостола Ивана Федорова 1564 г., — а потому он и рисовал так, как был обучен и как считал правильным. В связи с этими наблюдениями неизбежно возникает вопрос, не был ли иллюстратор Лицевого Травника еще и автором идеи использовать старопечатный стиль при изображении растений или он лишь копировал тот антиграф, над которым работал вместе с Сергием и его переписчиками. Сейчас можно высказать только предположение, которое напрямую связано с датировками Травника из собрания БАН и списка РНБ Q.VI.7.

Лицевой Травник Сергия датируется началом — серединой 1620-х годов. Бумага, на которой написана основная его часть, идентична бумаге, использованной на Московском Печатном дворе в изданиях: 1) Октоиха 1618 г. (Кувшинчик одноручный под полумесяцем с литерами G/PI на кузове = Гераклитов³³ 727), 2) Апостола 1621 г.

Ил. 8б. Иероним Бруншви́г.
«Книга о дистилляции».
Страсбург, 1500.
Л. 50 об. второго счета.
Фрагмент статьи
«Gotts Genad Wasser»

³³ Гераклитов А. А. Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

Ил. 9. Статья «Von Diptam Wasser». Иероним Бруншвиц «Книга о дистилляции». Страсбург, 1500. Л. 40 об.

Ил. 9а. Глава 71. «Динтца ватер». Подпись XVIII в. к рисунку: «По-русски белый корень». Первый Травник Сергия. БАН. 17.4.12. Л. 114

(Кувшинчик двуручный под цветком с литерами I L на кузове = ДК³⁴ 750, 751), 3) Триоди Цветной 1621 г. (Кувшинчик одноручный под полумесяцем с литерами R/PL = Гераклитов 636), 4) Минея служебная на январь 1622 г. (Кувшинчик одноручный под цветком с литерами АВ на кузове = Дианова Кувшин 21,³⁵

Гераклитов 434). Остальные три формы кувшинчиков: 1) Кувшинчик одноручный под полумесяцем с литерами EQ/R, 2) Кувшинчик одноручный под полумесяцем с литерами F/BR, 3) Кувшинчик одноручный под розеткой с литерами DQ [?] на кузове (типа Гераклитов 574 (1622). Один лист рукописи (л. 49–50) — на бумаге с гербом Перевязь с литерами ЕВ (не отожд.); переплетный л. I — на бумаге русского производства с водяным знаком Pro Patria с двуглавым орлом типа Участкина³⁶ 868 (1744 г.). Таким образом, Лицевой Травник БАН 17.4.12 является на сегодняшний день самой ранней рукописью из творческого наследия Сергия Шелонина и, как оказалось, он непосредственно связан с известным еще Л. Ф. Змееву списком «О перепущении вод» XVII в. — РНБ, Q.VI.7.

³⁴ Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Филиграния XVII в. М., 1988.

³⁵ Дианова Т. В. Филигрань «Кувшин» XVII в. М., 1989.

³⁶ Uchastkina Z. V. A History of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum, 1962.

Ил. 10. Глава 80. «Енис ватер, сиречь вода из анисовы травы».
Подпись к рисунку: «По-руски анис». Первый Травник Сергия.
БАН. 17.4.12. Л. 195

Ил. 11. Глава 152. «Капен ватер,
сии речь вода из холощеного пегуха».
Подпись XVIII в. к рисунку: «Капун».
Первый Травник Сергия.
БАН. 17.4.12. Л. 173

Ил. 12. Глава 163. «Мурпелеръ
ватеръ». Первый Травник Сергия.
17.4.12. Л. 186 об.

es nymme an/ jedes mal vff. ii. oder. iii. lot
Hüner serb krut wasser getruncken
 zu de tag. iii. mal jedes mal. iii. lot ist gut
 siecken mensche die sich versiecht hond vff
 zu halten.

Von hennen zwasser

Hennen wasser die hennen von den
 arabischen gigege genant sind/ vnd
 in latinscher zungen gallina vnnnd
 von den tiütschen hennen genant werden/
 vnd ist das wyblin vnder den hüneren vnd
 wünt also gebrant/ nym gürt schwarz hen/
 nen von. ii. oder. iii. laren vnd würg die vñ
 beropff die on gebriet/ vnd istü darvon alle
 feistheit vñ how sie zu kleinen stücllin vñ
 brenn sie dan vff ein helm des mals dar/
 nach istü das wasser in ein glas vnd distil
 lieres per balneum marie. **Al** Henne
 wasser gyb einem menschen zu trincken der
 sich vast versiecht hat vnd zu mal verzert
 ist/ vnd schwach oder onmectig ist/ dem
 gybe es vñ der massen grosse krafft vñ ster
 cket also vast/ das alle arztet wunder dar
 ab nement.

Von hyrtzhorn zwasser.

Hyrz horn wasser das horn von den
 latinschen Cornu cerui vnd in tiü
 scher zung hyrtz horn genat dz zwe
 erley geschlecht ist wie wol erlich vñ
 dyen sagen/ als ein rech bock/ ein dam/ ein
 hyrtz/ der dam von den latinsche damma
 genant vnd in tiütscher zunge ein dam ein
 thier in gestalt des hyrtz doch ein wenig clei
 ner des hömer breit sind vñ dem ich sie nie
 schübe bin. **Al**ber d hyrtz gemeinlich erkant
 ist. Die beste zyt syner brennung ist so ein
 mittelmectiger hyrtz sin hömer abgewoffe
 hat vnd wider gewachsen sind in leng ein/
 ner halben ellen die wil sie noch weich vnd
 lind sind gleich ein herten fleisch oder kröste
 let von den latinschen Cartilag genant
 gehack vnd gebrant. **Al** Hyrtz horn
 wasser zum tag getruncken. ii. oder. iii. lot
 stellet den frowen ir zyt genant menstruuz
 als ich selber gesehen hab von iungfer ma
 theus von burn.

W iii

Ил. 14. Глава. 131. Рисунок к статье «Гинен ватер»
 (перевод статьи «Von Hennen Wasser»). Подпись к рис. XVII в.: «Куры русские».
 Первый Травник Сергия. БАН. 17.4.12. Л. 158. Ср. ил. 13

Ил. 15. Глава 55. «Трава из цвѣту малого проскурника». Почерк Сергия Шелонина. Второй Травник Сергия. РНБ. Q.VI.7. Л. 115

Травник Q.VI.7. создан переписчиком, с которым Сергей работал, в том числе, над Вторым и Третьим Азбуковником, с 1640-х годов до самой своей кончины (ок. 1664 г.), на той же бумаге, которая известна в рукописях Сергия 1650-х годов (Шут с семьёю и Шут с пятью зубцами): Поучения аввы Дорофея (РНБ, Сол. 5/5), Сочинения Григория Синаита (РНБ, Сол. 100/100), Слова Симеона Нового Богослова (РНБ, Сол. 795/905) и др.³⁷ В Травнике Q.VI.7 встречаются маргиналии Сергия с обычными для него ссылками на собственные рукописи, в том числе и на Третий Азбуковник. Рукой Сергия выполнена и часть подписей к цветным иллюстрациям с изображениями трав (ил. 15). Всего в этом списке содержится 12 иллюстраций. Тексты обоих Травников — теперь их можно называть Первым и Вторым Травниками Сергия Шелонина — незначительно отличаются. Список 50-х годов более вычитан, многие описки и ошибки, характерные для Травника 1620-х годов, исправлены. Каким образом текст был выверен — благодаря сопоставлению с более исправным текстом перевода или на

³⁷ Сапожникова О. С. Русский книжник... С. 510–534.

Ил. 16. Глава 66. «Трава кошкина». Почерк Сергия Шелонина.
Второй Травник Сергия. РНБ. Q.VI.7. Л. 135 об.

основании внимательного изучения и исправления медицинской терминологии — предстоит еще выяснять, но самым интересным фактом при сличении двух Травников является полное «неподобие» их рисунков. Изображения в Травнике 1650-х годов — это большие цветные рисунки размером in quarto, очень близкие к иллюстрациям изданий Иеронима Бруншвига и не имеющие ничего общего с «живописью» во «фряжской» манере Первого Травника Сергия (см. ил. 15, 16). Это может свидетельствовать о том, что в распоряжении Сергия в 50-х годах был либо оригинал перевода с иллюстрациями, либо само немецкое издание, что маловероятно, или же — еще один список, художник которого придерживался правдоподобия немецкого образца. А это означает, по всей видимости, что иллюстратор Травника 1620-х годов принял самостоятельное решение передавать растительный мир в такой изысканной манере. Во всяком случае, подобных изображений растений пока не удалось найти ни среди рукописных

Травников, ни среди редких публикаций из них. По-видимому, такой тип изображения не пришелся по душе Сергию Шелонину, если для нового списка Травника он избрал другую манеру — реалистическую.

Вторая часть Лицевого Травника Сергия 17.4.12 — Лечебник — состоит из 190 статей и сопровождается тремя рисунками, два из которых опубликованы в монографии Н. Я. Богоявленского; на третьем изображена посуда для «перепущения вод», не имеющая ничего общего с изображением специальных сосудов в изданиях Иеронима Бруншвига. Часть, содержащая Лечебник, отсутствует в старейшем списке Q.VI.29, соответственно, именно по списку Сергия возможно получить наиболее полное представление о составе русского перевода «Книги о дистилляции». Большинство статей Лечебника восходит к конвою главной части этой Книги и составляет шесть разделов, каждый из которых имеет свою нумерацию глав:

— Условия хранения дистиллятов (сроки, температурные параметры), уход за пожилыми людьми, их диета, гигиена и устройство домов престарелых, глава «аурум потабиле» (о «золотом напитке» алхимиков) (всего 55 глав, л. 281–304 об.);

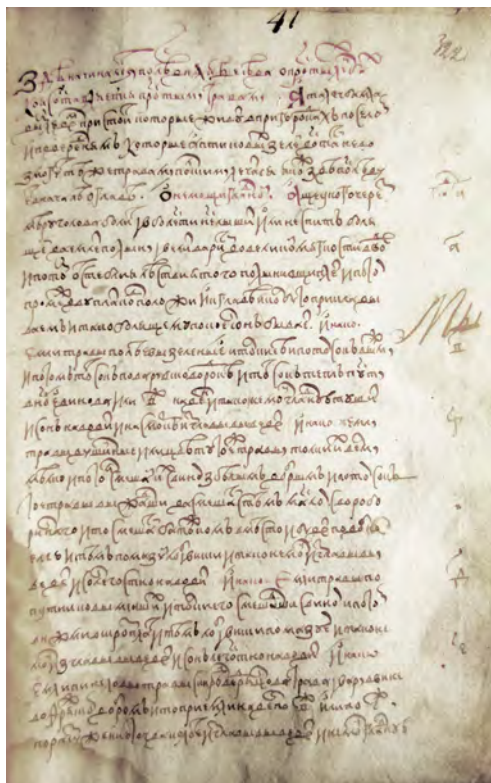
— «Бесѣда о пропущении драгих вод», второй заголовок: «Лечбы о различных недузѣх, первое — ди паралисис», — в русских Травниках переписывалась весь XVII в. под названием «О лечьбе вельможных людей» (всего 35 глав, л. 305–320 об.);

— «Бесѣда о простых лечбах, коя составляется простыми травами. А та лечба младым людем пристойит, которые живут в пригородках по селом и по деревнямъ, которые аптиковых зелей достати не возмогут» (всего 39 глав о лечении «простых» людей, л. 322–328 об., см. ил. 17);

— «Указ, како чепучину пити и сидѣти» (о потогонной процедуре при лечении сифилиса), «Указ о кади», «Как беречися от ветру», «О шубе и шапке», «Которой охоч до книг» (всего 14 глав, л. 329–333; дополнения XVIII в. на те же темы: 333об.–334 об.);³⁸

— О маслах, сахарах, сиропах, водках, «как их перепускають» (всего 44 главы, л. 335–350 об.);

³⁸ Главы этого раздела встречаются в дополнительных к Травнику 1534 г. частях в списках: книгописца Флора 1616 г. (РГАДА. Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. № 649), второй половины XVII в. (РНБ. F.VI.9/2), последней трети XVII в. (БАН Литвы. Ф. 22. Рукописи Виленской Публичной библиотеки. № 25). Описание содержания рукописей см.: *Исаченко Т. А.* Переводная московская книжность XV–XVII вв. С. 153–170. О хорошо известном с XIX в. списке РНБ. F.VI.9 см. также: *Змеев Л. Ф.* Русские врачевники. С. 20–22. Дополнительные главы читаются в списке F.VI.9 на л. 391–403.

Ил. 17. «Бесѣда о простых лечбах, коя составляется простыми травами» (глава 1). Почерк Сергия Шелонина. Первый Травник Сергия, раздел «Лечебник». БАН. 17.4.12. Л. 322

— «От черные падучие немощи» (об эпилепсии и заболеваниях неврологического характера) (главы 45–47 главы, л. 351–354 об.).³⁹

Уже сейчас можно сказать, что наличие ряда статей в разделе Лечебника изменит датировку и атрибуцию некоторых текстов, которые считаются сочинениями русского происхождения или позднейшими переводами с польского языка. Поскольку рукопись Сергия и все остальные списки отражают дефектный протограф, то идентификация некоторых текстов потребует дополнительных текстологических сопоставлений с европейскими медицинскими трактатами, так как ряд глав Лечебника, как кажется, не восходит к изданиям Иеронима Бруншвига или представляют краткие компиляции статей из них.

³⁹ Главы 45–47 написаны шестым почерком, крупным полууставом, другими чернилами, на той же бумаге, что и предыдущие тетради, но, по-видимому, позже основной части сборника.

Обнаружение нового списка сочинения «О перепущении вод» и атрибутирование его Сергию ставит больше вопросов, нежели дает ответов.

Во-первых, список Сергия Шелонина, воспроизводящий оригинал XVI в., существенно дополняет наше представление о знакомстве на Руси с передовыми европейскими открытиями и методиками в области медицины, которые были доступны и достаточно оперативно адаптировались для местных реалий: книга Иеронима Бруншвига «в основном строилась на конкретных фармацевтических манипуляциях, исходила из реальных физико-химических процессов ... Совсем по-новому звучали в ней советы черпать лекарственные ресурсы из окружающего мира природы, непосредственно наблюдать жизнь растений, изучать и осваивать по возможности флору своей местности». ⁴⁰ Перевод был сделан, скорее всего, русским медиком или, что маловероятно, иностранцем, прожившим очень долго в России и владеющим редкими диалектными выражениями и названиями трав, болезней, профессий. Этот перевод содержал более 300 статей с описанием лекарственных средств из трав и животных и около 200 статей Лечебника с рекомендациями для пожилых людей, рецептами для «вельможных» и «младых» людей, описаниями способов изготовления целебных масел, эссенций и настоек, «эликсира жизни» и других. Если учесть состав списка рубежа XVI–XVII в. Q.VI.29, переписанного с антиграфа, имевшего существенные утраты (а такое состояние вообще характерно для рукописей Травников и Лечебников), то не будет большой натяжкой полагать вслед за Л. Ф. Змеевым, что перевод был сделан в XVI в. До сих пор пристальное внимание исследователей было обращено только на два перевода этого времени, хотя о списке «Книги о дистилляции» рубежа XVI–XVII вв. было известно еще с XIX в. До обнаружения лицевого списка он оставался в тени, поскольку не был связан ни с одним известным историческим именем XVI в. и не был датирован, как, например, Травник Любчанина 1534 г. ⁴¹ и Травник 1588 г., переведенный в городе Серпухове «по приказу воеводы Фомы Афанасьевича Бутурлина». ⁴² Травник Бутурлина,

⁴⁰ Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. С. 74.

⁴¹ См. сноску 23.

⁴² Перевод выполнен с книги: Spiczycski Hieronim «O ziołach tutesznych i zamorskich». Kraków: Fl.Ungler, 1542. О Травнике Бутурлина см.: Леонид, архим. Историческое и археологическое описание Успенского женского монастыря в г. Александрове Владимирской области. М., 1891. С. 144–146; Змеев Л. Ф. Русские врачевники. С. 37–52; Исаченко Т. А. Из истории Государевой аптеки (неизвестные автографы Холмогорского архиепископа Афанасия) // История Отечества: святые и святыни Русского Севера. Архангельск, 2006. С. 90–96; Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 95–96.

как известно, сохранился только в списках XVII в., что лишний раз свидетельствует о том, что востребованные рукописи, особенно медицинские, страдали сильнее других жанров неприкладного характера: зачитывались, ветшали, расплетались или «раздирались» на тетради. Интересно, что в списках Травника Бутурлина читается статья «О водках» из книги Иеронима Бурншвига.⁴³ Предстоит выяснить, тот же ли это перевод, что и в русских списках «Книги о дистилляции», и мог ли переводчик воспользоваться им уже в 1588 г. или же статья была присоединена к основному тексту только в рукописях XVII в. Перевод Книги Иеронима Бруншвига был выполнен на высоком уровне, отличающем также переводы двух названных Травников, один из которых, как известно, готовился для Василия III по благословению митрополита Даниила.⁴⁴ Пока нет ответа на вопрос, кто мог быть в XVI в. заказчиком еще одного дорогостоящего иллюстрированного перевода с новаторской для этой эпохи медицинской книги.

Во-вторых, остается неизвестной личность незаурядного русского переводчика, который владел немецким языком, латынью, медицинской терминологией. Пока нет объяснений, почему на протяжении всего текста он переводил «wasser» как «ватер», «kraut», «kreut» как «крут», звук [h] передавал как [g]. Остается в качестве предварительной гипотезы предположить, что переводчик либо обучался у носителя нижненемецкого языка, но тогда верхней границей перевода следует считать примерно середину — третью четверть XVI в.: в дальнейшем нижненемецкий язык в качестве литературного не использовался в среде образованных людей, — либо он обучался на периферии немецко-говорящего мира, например, в Курляндии, поскольку на окраинах нижненемецкий литературный язык использовался дольше, вплоть до начала XVII в. Еще одна версия, требующая дополнительного исследования, — это вопрос о конкретном источнике для перевода, который мог быть, учитывая состав врачей при государевом дворе, приглашаемых Иваном Грозным и Борисом Годуновым из-за границы, голландским или английским (тогда объяснимо «ватер» вместо «вассер»). Зарубежные медики приезжали со своими книгами и имели у себя в помощниках русских аптекарей и лекарей, которые у них учились. Переводы, с одной стороны, 1534 г. и 1588 г. и, с другой стороны, перевод «Книги о дистилляции» различаются языком, лексикой, объемом используемой народной терминологии. И это объяснимо: переводчиками первых двух Травников

⁴³ Змеев Л. Ф. Русские учебники. С. 50.

⁴⁴ Исаченко Т. А. Переводная московская книжность XV–XVII вв. С. 128–181.

XVI в. были иностранцы (выходцы из Германии и Речи Посполитой), переводчиком третьего Травника «ученого» типа был, судя по всему, русский медик.

В-третьих, Лицевой Травник вносит некоторые коррективы в наше представление о деятельности Сергия. До атрибуции Сергию Лицевого Травника 1620-х годов были известны его рукописи, начиная лишь со второй половины 30-х годов. Исключение составляет конволют 1620–1640-х годов (Патерик Печерский, РНБ, Сол. 634/692), но в ранней его части встречаются только маргиналии Сергия, которые могли быть выполнены книжником при совмещении ранней и поздней частей Патерика в 1640-х годах.⁴⁵ Почерком Сергия написана большая часть Лицевого Травника, его почерк вкрапляется в другие почерки, что, как известно, вообще характерно для манеры работы соловецкого книжника со своими сотрудниками. Если в начале-середине 1620-х годов Сергей успешно возглавил работу по созданию списка неординарного, сложного переводного памятника, то это, скорее всего, означает, что он был уже в 1619 г., ко времени своего пострига в Соловецком монастыре, достаточно опытным специалистом с готовыми навыками оформления рукописи, правки, комментирования.

В-четвертых, в связи с атрибуцией Сергию Второго Травника возникает вопрос: почему соловецкий книжник только в 1650-е годы обратился к медицинскому сборнику, с которым он работал уже в начале 1620-х годов? Почему только Третий Азбуковник он дополнил выписками из Травника, будучи уже в преклонном возрасте, с трудом владея пером, а в 1630–1640-х годах не внес из него дополнения в первые редакции Азбуковника?⁴⁶ В связи с тем, что художник Второго Травника смог воспроизвести достаточно точно иллюстрации издания Иеронима Бруншвига и не воспользовался изображениями во «фряжском» стиле из Лицевого Травника 20-х годов, вполне закономерен вопрос, каким образом у Сергия в 1650-х годах оказался оригинал перевода или сама «Книга о дистилляции»?

Лицевой Травник Сергия БАН 17.4.12, по-видимому, постоянно был в использовании: листы его ветхие, потемневшие от воздействия солнечного света, влаги, механического воздействия, часть из них утрачена. На свободных полях и чистых листах рукописи сохранились записи владельцев и многочисленные рецепты почерками XVIII в. Такое состояние рукописи совершенно не характерно для книг Сер-

⁴⁵ Сапожникова О. С. Русский книжник... С. 484.

⁴⁶ Во Втором Азбуковнике Сергия читается несколько выписок из перевода «Книги о дистилляции», но, по всей видимости, время дополнения ими словарных статей то же самое — 1650-е годы.

гия Шелонина, которые, как правило, были доступны узкому кругу лиц и с бережностью хранились в библиотеках, прежде всего — в собрании Соловецкого монастыря. В таком же отличном состоянии дошел до нашего времени Второй Травник Сергия 1650-х годов (РНБ, Q.VI.7) — это рукопись, явно не переходившая от одного лекаря к другому и не привлекавшая особого внимания. Лицевой Травник Сергия — самая необычная рукопись из собрания выдающегося редактора. Рукопись медицинского содержания, казалось бы, никак не соответствует интересам и направлению деятельности книжника. Но, с другой стороны, появление глав из Травника именно в Третьем Азбуковнике все же неслучайно.

Сергий по достоинству оценил энциклопедический характер Травников, которые историки медицины так и называют — «медицинскими энциклопедиями».⁴⁷ Многоязычие статей трактата Иеронима Бруншвига как нельзя лучше соответствовало жанру Тезауруса, предназначением которого было максимально полно представлять иноязычную лексику, терминологию, используемую в разных общественных сферах. Научная медицинская терминология на Руси именно в XVII в. впервые начинает распространяться очень широко: с 1632 г. функционирует Аптекарский приказ, в 1654 г. в Москве открывается первая врачебная школа, заказываются лекарственные средства из Европы и выписываются иностранные врачи, которые обучают здесь учеников и сами нуждаются в специалистах-переводчиках, в условиях непрерывных войн осознается потребность в книгах по хирургии и анатомии, в связи с этим Епифаний Славинецкий в 1658 г. заканчивает перевод семи томов сочинения Андрея Везалия «О строении человеческого тела» (рукопись до сих пор не обнаружена), монастыри строят общественные госпитали, Стрелецкий приказ ведает полковой и дворцовой медицинской службой, все больше появляется переводов медицинских западноевропейских книг.⁴⁸ Возможно, еще и поэтому у Сергия возникает решение вносить медицинскую терми-

⁴⁷ «Травники (цветники), лечебники (целебники, врачебники), фармакопеи (аптеки). Рукописные лечебники отличаются широким и пестрым содержанием; они не ограничиваются перечнем болезней с описаниями лекарств от них, а часто касаются почти всех случаев человеческой жизни, указывая средства, которые могли бы помочь в том или ином затруднении или его предотвратить. В чисто медицинском отношении лечебники можно назвать медицинскими энциклопедиями данной эпохи, т. к. помимо болезней и лекарств в лечебниках 17 и 18 вв. излагаются патогенез болезней, способы их распознавания и т. д.» (Медицинская литература // Большая советская энциклопедия. Т. 17. М., 1936. С. 547–548).

⁴⁸ См., например, о развитии медицины в XVII в.: Соколовский М. Характер и значение деятельности Аптекарского Приказа. СПб., 1904; Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX вв. М., 1996. С. 3–50.

нологию в Азбуковник в 1650-х годах: к этому времени медицина становится частью уклада жизни русского человека.⁴⁹

⁴⁹ Когда данное сообщение было уже в печати, нам стали доступны тезисы: *Коваленко К. И.* «Сказание о пропущении вод»: особенности перевода, списки, редакции // Рябининские чтения-2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 485–487. Не знакомая со списком Лицевого Травника БАН 17.4.12, исследовательница пришла к одному с нами выводу о Травнике РНБ, Q.VI.7 как об имеющем непосредственное отношение к Сергию Шелонину. Как совершенно справедливо отметила К. И. Коваленко, в этой рукописи встречается «дрожащий» почерк Сергия, который был характерен для последних лет его жизни. По мнению автора тезисов, в Третий Азбуковник Сергия вошли все статьи из Травника Q.VI.7. Требуется проверки вывод К. И. Коваленко о выполнении русского перевода именно со страсбургского издания 1521 г. «Книги о дистилляции». Этому противоречит, на наш взгляд, наличие в Лицевом Травнике БАН 17.4.12 ряда изображений, не имеющих аналогов в издании 1521 г. и совпадающих с рисунками в изданиях 1500, 1505 годов (например, рисунок «Мандрагора» в виде двух человеческих фигур — мужчины и женщины и другие).